

ソノコノ マチウダ

ПЕСНЬ ОДИНОКИХ
КИТОВ на частоте 52 гц

бестселлер
в Японии

Соноко Матида
Песнь одиноких китов
на частоте 52 Гц
Серия «Хиты Японии»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67915410

Песнь одиноких китов на частоте 52 Гц: АСТ; М; 2022

ISBN 978-5-17-147022-7

Аннотация

Молодая женщина по имени Кико переезжает в маленький городок у моря. Она поселяется в давно пустовавшем доме, нигде не работает, у нее есть шрам на животе, а местные жители начинают судачить, не от якудза ли она сбежала из Токио.

Кико переживает потерю друга и по ночам включает в наушниках голос пятидесятидвухгерцевого кита – самого одинокого создания в мире. Она не смогла услышать то, что пытался донести самый важный для нее человек, поэтому теперь надеется не пропустить песни других одиноких китов, ведь она и сама – одна из них.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Соноко Матида

Песнь одиноких китов на частоте 52 Гц

© 2020 Sonoko Machida. All rights reserved

© ООО «Издательство АСТ», 2022.

© Румак Н.Г., перевод на русский язык

* * *

*Тот, кто познал одиночество,
боится потерь именно потому,
что знает, каково это —
быть одному...*

Глава первая

Дождь в городе на краю мира

Он задал вопрос легко, невзначай, будто спросил о погоде на завтра.

– А ты в клубе работала, да?

В клубе? Я сначала даже не поняла, о чем речь, и озадаченно посмотрела на собеседника, но, когда до меня дошло, не раздумывая ударила его в нос. Раздался приятный звук.

– Ты что, дурак?!

Мужчину, задавшего мне неприличный вопрос, звали Муранака, он занимался ремонтом. Я обратилась к ним в компанию, потому что доски на полу в комнате прогнили и прогибались под ногами – я боялась, что провалюсь под пол и окажусь в ловушке в собственном доме. Сегодня он пришел уже в третий раз, если считать первый осмотр. Я пожалела ремонтников, которые вынуждены были работать в самую жару, и вынесла им холодных напитков и даже вкусненькое, а он посмел высказать такое клиенту, который о нем же заботился!

– Разве можно спрашивать такие неприличные вещи? – всполошился помощник Муранаки – кажется, его звали Кэнта. Он сразу стал суетливо кланяться мне. Несмотря на свою внешность – розовые волосы и пирсинг в носу, – он произ-

водил впечатление серьезного парня.

– Простите, простите, пожалуйста. Махоро не имел в виду ничего плохого. У него просто что на уме – то и на языке.

– То есть у него на уме вот это? Он что, все время думал, уж не хостес¹ ли я?

Все работы хороши, это я понимаю, но не слишком ли бесцеремонное заявление? Уже забыл, как я час назад, примерно в три, на полдник вынесла им холодную дыню? Где благодарность? Я зыркнула на Муранаку. Он выглядел на несколько лет старше меня, ему должно было быть около тридцати. Коротко стриженные черные волосы, загорелые на солнце сильные, мускулистые руки. Сначала мне понравилось, как он молча работает или дает Кэнте указания, но теперь он резко упал в моих глазах до мерзавца. Муранака, с покрасневшим носом, почесал затылок:

– Да я не то имел в виду. Бабки наши шумят – мол, наверняка она из этих, вот я и решил заступиться за тебя.

– Не поняла?

Я терпеливо выслушала его объяснения. Похоже, здешние жители считали меня чуть ли не ночной бабочкой, сбежавшей из Токио. Мол, я оказалась в этом совершенно чужом мне прибрежном городке в префектуре Оита, потому

¹ Хостес – в Японии это девушки, работающие в первую очередь в барах и ночных клубах. Они развлекают гостей, подсаживаясь к ним за столики, в том числе побуждая покупать дополнительное угощение для них самих. Не считается достойной профессией.

что скрывалась от якудза², и мало того, у меня где-то есть шрам, подтверждающий, что они меня все-таки настигли и порезали.

– А я же вижу, что ты совсем не такая, вот и решил удостоверить. Заступиться хотел, – грубовато сказал Муранака.

– Чего? – глупо переспросила я.

Я переехала сюда недели три назад. Городок был слишком уж провинциальный, магазинов нормальных не было, даже круглосуточного с необходимыми товарами – и то нет. Продукты надо было покупать либо в «Ионе»³, до которого двадцать минут ехать на машине, либо в «Кондо-марте»⁴, куда пятнадцать минут надо идти пешком. Прав у меня нет, так что остается только «Кондо-март». Магазин выглядел, как переоборудованный склад, там продавали все подряд: и продукты, и бытовые товары, даже сельскохозяйственный инвентарь. И, конечно, одежду. Платья и футболки с необычными узорами, напоминающими о южных странах, соседствовали с высоченными сапогами-бахилами и синими тарпаулиновыми полотнищами... Полный хаос. Поначалу я в замешательстве разглядывала все эти диковины, но они довольно быстро мне надоели. Это были ненужные мне предметы, а полезных оказалось слишком мало. У них там всего

² Якудза – японская мафия.

³ Аеон – японская сеть супермаркетов, принадлежащих компании Aeon Co., Ltd.

⁴ «Кондо-март» – вымышленный магазин.

один вид шампуня – куда это годится?

И вот, несмотря на то что я никуда не хожу, кроме этого «Кондо-марта», меня где-то углядели и даже стали обо мне сплетничать. Муранака подтвердил, что как раз там. А ведь я даже парой слов там ни с кем не перекинулась! В ответ на мой вопрос мужчина напомнил мне, что в уголке магазина, где можно перекусить, собирается некая группка. И правда: в тупичке стоят лавки и столы, и, кажется, там всегда кто-то сидит, но я просто не обращала на это внимание, мне было все равно. А вот они моей личностью как раз очень заинтересовались и пристально за мной наблюдали.

– Держится обособленно и загадочно, нигде не работает, но деньги есть – наверняка это оно самое, решили для себя бабульки и заволновались. Городок у нас маленький, пожилым людям заняться нечем, так что, если появляется кто-то новый, какое-то время все внимание на него. А ты, Мисима, больше всех остальных вызываешь интерес.

Бабка Муранаки – одна из группки, которая собирается в «Кондо-марте». Узнав, что внук, с которым она живет в одном доме, ремонтирует что-то у этой странной женщины, она велела все подробно выспросить. Это все с некоторым смущением рассказал мне Муранака, виновато кланяясь:

– Бабуля моя в своих идеях упертая, голос у нее громкий, но, если поймет, что ошиблась, так же громко будет эту оплошность исправлять. Вот я и спросил.

Глядя на его унылое лицо, я подумала, как же это все хло-

потно. Мне-то безразлично, пусть считают меня хоть хостес, хоть кем. Если кто-то захочет спросить прямо, вот как сейчас, я ему врежу, а если будут шептаться у меня за спиной – какая мне разница? Но Муранака, кажется, считает, что так нельзя.

– А почему ты решил, что я не такая? – спросила я для начала, и он ответил:

– Ну, как-то так... Ты уверенно стоишь на ногах, дома аккуратно прибрано, продукты хорошие выбираешь. Непохоже, что все это для тебя – просто прикрытие.

– Чего?! – вырвалось у меня. Я действительно собиралась жить здесь долго, вот даже за ремонт взялась.

– А еще в прихожей свежие цветы, да и сад ухоженный.

В доме были веранда, откуда можно было видеть море, и маленький садик, которым я занималась в последнее время. Я рассчитывала, что осенью можно будет сидеть на веранде с бокальчиком чего-нибудь и любоваться луной, отражающейся в морской воде.

– Хостес тоже могла бы так обустроиться. Это какое-то предубеждение к профессии, – сказала я, а Муранака продолжил:

– Короче говоря, непохожа ты на такую женщину. Ты ведь тоже так считаешь, да? – обратился он за поддержкой к Кэнте. Тот, до сих пор нервно следивший за нашим разговором, покраснел и совсем растерялся. – Совсем непохожа на тех, кого мы знаем. Непохожа, правда?

– Ты чего такое говоришь-то?! Лучше уж совсем молчи! Простите, простите нас. – Кэнта снова склонил передо мной голову. Но потом не удержался и спросил: – Вы же не такая, да?

Кажется, его это все-таки беспокоило.

– В жизни таким не занималась, – со вздохом ответила я, и у Кэнты на лице отразилось облегчение. – И якудза за мной не гонятся.

Говоря это, я поняла, что злюсь все больше. Почему я вообще должна кому-то что-то объяснять? Я и правда ни к кому не ходила знакомиться, когда переехала⁵, а что, надо было? Надо было рассказывать – мол, переехала по таким-то причинам? Почему вообще нужно показывать кому-то удостоверение личности только потому, что поселился рядом?

Ну, все. Неужели я ошиблась с выбором места? Ведь специально приехала сюда, чтобы ни с кем не общаться, а в результате опять то же самое. Живот чуть повыше пупка запыл, потому я невольно приложила туда руку.

– Кстати, а почему местные решили, что меня порезали якудза? – начала было я, но тут же сообразила сама. Та частная клиника. Шрам ужасно болел, и я обратилась туда за болеутоляющими и антибиотиками.

Невероятно! Разглашение личной информации! Я ведь могу на них и в суд подать!

⁵ В Японии принято при переезде обходить соседей с визитом и небольшими подарками и представляться.

Меня вдруг оставили силы, и я села прямо на пол.

– А что, про шрам – правда? – удивленно спросил Муранака.

Глядя в его глупое лицо, устало сказала:

– Все равно ведь разболтаешь. Да ладно, какая разница. Можете говорить что угодно: что я хостес, которую преследуют якудза, или порноактриса. Мне все равно, что обо мне подумают.

Мне захотелось прямо сейчас их выгнать, но как же я без отремонтированного пола? Европейская комната⁶, где я собиралась устроить спальню, была в ужасном состоянии, туда даже вещи нельзя было занести.

– Закончите с ремонтом и выметайтесь.

Мне не хотелось даже находиться рядом с ними. Я встала и схватила рюкзак.

– До шести часов меня не будет.

Ой, Мисима, подождите! Мы просим прощения! – заголосил Кэнта, но, проигнорировав его, я вышла из дома.

Морской ветерок коснулся моих пылающих от гнева щек. Я огляделась, решая, куда пойти. Да, все-таки к морю. Если спуститься по переулочку, который вьется между тесно стоящими домиками, то меньше чем через десять минут можно выйти на берег.

⁶ В японских домах часто есть и комнаты в европейском стиле, и комнаты в японском стиле (с соломенными матами татами на полу, встроенными шкафами и раздвижными дверями).

Мой дом расположен почти на самой вершине небольшого холма, у подножия которого раскинулось море. Между моим домом и морем – несколько десятков старых домов, половина из которых пустуют. Насколько я знаю, раньше здесь процветал рыбный промысел, но сейчас мало кто становится рыбаком, да и в город многие уезжали, так что никакого оживления в городе не чувствовалось. В общем, сплошное запустение – так мне сказал дядечка в местной администрации, куда я пришла, чтобы зарегистрировать переезд. Он еще тогда обрадовался – мол, мы молодежь приветствуем! Потом указал, что, если выйти к порту и рыбному рынку, там магазинов побольше и место более оживленное, но для меня, бывшей жительницы Токио, большой разницы не было.

Разглядывая проржавевшие от морской воды жестяные крыши и ставни, я спускалась вниз по пологому склону. Обойдя кругом большую усадьбу, где, как мне сказали, когда-то жила семья крупного судовладельца, я вышла на большую улицу. Передо мной открылась ровная, как по линейке, выстроенная дамба. Местами бетон в ней растрескался, там и сям вниз спускались металлические лестницы. Наверное, их соорудили рыбаки – на дамбе всегда можно было увидеть силуэты рыбачащих людей. Вот и сейчас в отдалении стояли двое. Эти деды со сгорбленными спинами торчали там каждый день, но я еще ни разу не видела, чтобы они что-нибудь поймали. Наверное, и сегодня клевать не будет.

Я взобралась по лестнице. Передо мной раскинулось море. Справа виднелись порт и рыбный рынок, вдалеке стояли несколько судов. По левую руку на некотором расстоянии был виден пляж. Там часто плескались местные ребяташки. Я заметила несколько человек, хотя отсюда они казались не больше зернышек. Ветер доносил веселый смех. Кажется, скоро наступят летние каникулы.

Я встала на потрескивавший от жары бетон, широко расставив ноги, и пробормотала: «Зря я так». Из дома я выбежала, не подумав, чем укрыться от сильных солнечных лучей, и если серое худи с длинными рукавами и джинсы защитят руки и ноги, то с лицом – проблема. Я обычно не крашусь. Захотелось вернуться и намазаться кремом от солнца. Хорошо бы и зонтик от солнца взять. Обернувшись, я взглянула вверх, в сторону дома. Отсюда была видна только голубая крыша моего маленького одноэтажного пристанища. Разглядывая ее, я почувствовала, как во мне вновь поднимается раздражение.

Я приехала сюда, чтобы тихонько жить в этом домике. Жить одной, не привлекая ничьего внимания. Для этого и заполучила его. Есть свои неудобства, но у меня было ощущение, что я ко всему привыкну. И надо же – нашлись люди, которые так грубо вторгаются в мое пространство! Бесит!

Мне хотелось вернуться домой, но сталкиваться лицом к лицу с этими мерзкими мужиками не хотелось. Ничего не

поделать. Я со вздохом уселась на бетон. Чтобы обеспечить коже хоть какую-то защиту, глубоко надвинула капюшон на глаза и свесила ноги в сторону моря. Болтая ногами, я позволила своему взгляду устремиться вдаль. Поверхность воды рябила и сияла под летним солнцем так, что глазам было больно, красивые дождевые облака отчетливо виднелись над горизонтом, изящно парила какая-то морская птица. Порыв ветра с моря погладил щеки. Я раскрыла рюкзак, вынула плеер, засунув в уши наушники, и включила его.

Закрыв глаза, я прислушалась. Издалека, из глубины доносился голос, отдававшийся в барабанных перепонках, он то ли плакал, то ли звал. Слушая этот голос, я сразу вспомнила Ана. Он бы посмеялся, сказал, что у меня неприличное выражение лица. Я бы спросила, как выражение лица может быть неприличным, неужели лицо – это что-то непристойное? – а он бы рассмеялся куда громче и погладил меня по голове. Это неправда, ты такая утонченная и милая, вот они и напридумывали себе. Когда такая милая девушка совсем одна переезжает в деревню, можно сочинить для этого множество разных причин, намечтать всякого, а эти жалкие люди сумели вообразить только такую дешевку. А ведь это наоборот, как будто начало старого детского аниме...

Он бы наверняка гладил меня по голове и говорил что-нибудь в таком духе.

От одних мыслей о нем в груди потеплело. Если бы мы так беседовали, я смогла бы это пережить с улыбкой.

Но Ана больше нет.

– Почему же ты не взял меня с собой?.. – прошептала я себе под нос.

Я бы хотела, чтобы он забрал меня с собой – пусть и против моей воли. Я тогда ничего не понимала, не слушала никаких советов, меня пришлось бы тащить насильно, но Ан мог бы увести меня, куда угодно. Однако было бы слишком нагло с моей стороны – просить его о таком. Поэтому Ан оставил меня здесь.

Я сосредоточилась на голосе в наушниках. В нем не было пауз, его глубокое звучание не останавливалось. В какой-то момент он превращался в голос Ана, и мне стало казаться, что он, то приближаясь, то удаляясь, зовет меня. Слышишь, Кинако? Кинако, Кинако. Он лишь звал меня, не отвечая на мои вопросы. Я уверена, что это мое наказание.

Кап. На тыльную сторону ладони что-то упало, и я распахнула глаза. Незаметно над головой собрались облака. Не успела я удивиться, как почти сразу начался дождь. Я поспешно вскочила и начала искать место, где можно было укрыться от ливня. Засунув плеер в рюкзак, влетела под козырек крыши ближайшего пустого дома, скинула насквозь промокший капюшон и посмотрела на небо. Мне хотелось верить, что это ненадолго, но серые тучи уже затянули все небо. И правда, по радио, кажется, говорили что-то про дождь, который должен был начаться вечером. Мол, будет лить несколько дней или что-то в этом духе. Я посмотрела

на часы: до шести больше получаса. Надо было взять с собой хотя одну книжку. Тогда я уселась, обхватив колени руками, и оперлась спиной о стену.

Дождь стоял перед глазами прозрачной завесой. Пейзаж, с которым я успела сродниться, изменил свое лицо, и теперь я словно заблудилась в незнакомом месте. Температура тоже изменилась, в ушах мягко звучал только шум дождя. Раздался какой-то шорох. Я обернулась – это пропрыгала мимо меня маленькая лягушка, непонятно откуда появившаяся. Наверное, ее призвал дождь.

– И почему я здесь? – тихонько спросила саму себя.

Я приехала сюда, бросив все, но в груди тлело раздражение – как будто это меня все бросили. Мне захотелось сейчас же куда-нибудь уехать – но ведь здесь и было это «куда-нибудь».

Я обхватила колени покрепче и попыталась закрыть глаза, но тут же услышала приближающееся шлепанье чьих-то ног по воде. Я невольно напряглась, однако это оказался ребенок в лососевого цвета футболке и джинсах, который шел, не раскрывая зонта. Наверное, играл здесь, и его застал дождь.

– Эй, не хочешь спрятаться здесь со мной от дождя? – не раздумывая, окликнула я ребенка. Он шел, глядя в землю, поэтому лица не было видно, но по отросшим до плеч волосам и худощавому телу, я предположила, что это девочка лет тринадцати-четырнадцати.

– Эй, иди сюда!

Я встала и еще раз обратилась к ней, чуть громче. Непохоже было, что девочку пугал дождь: она просто мокла под струями воды. Сквозь челку ребенок бросил на меня короткий взгляд, и я замахала ему рукой.

– Иди сюда!

Девочка остановилась и на мгновение бросила на меня удивленный взгляд, но тут же отвела глаза и зашагала дальше. «Эй!» – я вновь позвала ее, но она, больше не оглядываясь, быстро скрылась за стеной дождя.

«Странная девочка. Могла бы и ответить», – подумалось мне. Впрочем, даже если бы она спряталась здесь, было неизвестно, скоро ли прекратится дождь. Я снова уселась и опять посмотрела на небо. Пожалуй, мне тоже придется возвращаться домой мокрой до нитки. Я вздохнула, но тут раздались другие шаги, энергичные. Вслед за ними прозвучал громкий голос:

– Мисима! Мисима! Мисима!

Кажется, это Муранака бежал, выкрикивая мое имя. Он орал как резаный. Я, между прочим, не заблудившийся ребенок, нечего меня искать. Мне не хотелось ему отвечать, и потому я сидела молча, но голос все приближался.

– Мисима! О, вот ты где!

Я не сумела слиться со стеной, поэтому Муранака с большим черным зонтом заметил меня и подбежал ближе. Он встал передо мной, тяжело дыша, и сказал:

– Наконец-то! Я вспомнил, что ты без зонта.

– Чего?!

Виски у него были мокрые, но явно не от дождя. Муранака низко поклонился:

– Прости. Никогда не умел выражать свои мысли, на меня вечно из-за этого обижаются. Извини, что испортил настроение.

Я какое-то время поглазела на его большое, согнутое в поклоне тело, на его закрученный вправо вихор и ответила:

– Да ладно. Меня уже утешил Ан, так что ничего страшного.

Муранака поднял голову:

– Кто?

Увидев глупое выражение на его потном, с приоткрытым ртом лице, я чуть не расхохоталась.

– Неважно. Я не обиделась. Только больше не спрашивай меня про прошлое или другие вещи. Мне неприятно.

– Хорошо. И бабулю с ее подружками предупрежу строго-настрого, чтобы не лезли.

– Не лезли?

Муранака, вытирая пот тыльной стороной ладони, объяснил:

– Здешние бабули удержу не знают. Так что наверняка могут всей толпой окружить тебя и забросать вопросами. Они уверены, что суют во все нос исключительно во благо, поэтому будут лезть в самую душу.

– Ужас какой. – Я невольно скорчила гримасу. От одной

мысли у меня дыхание перехватило. Муранака закивал.

– Поэтому я и хотел что-то предпринять, пока они сами не взялись за дело, а в результате повел себя так же, как они.

Глядя на его несчастное, как у отруганного ребенка, лицо, я, наконец, осознала, что его грубость была вызвана добрыми намерениями.

– Ну, хватит извиняться. Главное – запрети им лезть ко мне.

Муранака еще сильнее закивал, а потом отдал мне второй зонт, который принес с собой.

– Доски в полу мы все заменили. Может, позволишь помочь с мебелью?

Комод и кровать, которые я собиралась поставить в спальню, так и стояли в коридоре. Я планировала заняться этим сама, но, раз можно воспользоваться мужской силой, пожалуйста, попрошу их. Немножко помявшись, я все-таки взяла зонт.

– Ладно. Но за эту работу я тоже заплачу.

– Нет, это будет в качестве извинения. Compliment от фирмы.

Лицо Муранаки просветлело. Какая у него неожиданно богатая мимика.

– Там сейчас и Кэнта, мы быстро справимся.

Мы пошли к дому. Некоторое время оба молчали, но потом Муранака, будто что-то вспомнив, заговорил:

– А-а, вот оно что. Это из-за дома, наверное.

Я не поняла, о чем он, и вопросительно посмотрела на него. Он пояснил:

– Ты живешь в этом доме, поэтому бабки и стали болтать, что ты из этих.

– Почему?

– Там жила одинокая бабушка, которая в прошлом была гейшей. Ну, такие, как их раньше называли?.. В общем, тут она преподавала игру на сямисэне⁷. Очень была утонченная, аккуратная, красивая. Поэтому все местные старички – дамские угодники – наперебой бежали на ее занятия. Наш дед тоже там постоянно торчал, моя бабуля с ним часто из-за этого ругалась. Точно-точно! – Муранака зажмурился, погружаясь в воспоминания. – У наших наверняка одно на другое наложилось, хотя к тебе это не имеет никакого отношения.

Я кивнула, вращая зонтик в руках.

– В таком случае меня рано или поздно все равно бы отнесли к подобным женщинам.

– Почему?

– Та гейша – моя бабушка.

Муранака остановился. Я продолжила, глядя в его изумленное лицо:

– Так что я приехала не то чтобы в совершенно незнакомый мне край. Родители долгое время не пользовались домом, вот я и попросила, чтобы они отдали его мне. Я сюда в

⁷ Сямисэн – японский традиционный струнный музыкальный инструмент, в первую очередь используется для аккомпанемента в театрах кабуки и бунраку.

детстве несколько раз приезжала. Помню, как эти старички меня баловали, и твой дед тоже, возможно, был среди них.

Все тогда были со мной ласковы, и мне нравился домик, откуда видно было море.

– Поэтому у меня осталось хорошее впечатление от этого места... Да уж, если все было так, как ты говоришь, тогда понятно, почему ваши бабульки меня не любят. Ну и ладно, мне все равно.

Я поникла плечами, и Муранака робко взглянул на меня. Он явно испугался, что опять меня обидел, потому я поспешила успокоить его:

– Поскольку ты похвалил красоту моей бабушки, можешь не пугаться так.

Пожалуй, Муранака забавный.

– А ты сначала молчал, потому что боялся что-нибудь ляпнуть?

Он уныло кивнул.

– Мне всегда говорят, что я ляпаю лишнее.

Образ молчаливого ремонтника, сложившийся у меня при первых встречах, полностью разрушился, но мужчина оказался и не мерзавцем, по-хамски вторгающимся в личное пространство. Наверное, он не такой уж ужасный человек. Впрочем, я плохо разбираюсь в людях. У него в глубине вполне может скрываться жуткая личность, от которой мурашки по коже и которая может вылезти наружу при удобном случае.

Вдалеке прогремел гром. Муранака поторопил меня:

– Лучше побыстрее добраться до дома.

Он зашагал вперед. Я обернулась и увидела над морем ро-счерк молнии.

* * *

Лило уже пять дней. От затяжного дождя стало прохладнее, и обычная летняя жара переносилась на удивление легко. Но работать в саду стало невозможно, и я проводила время, подремывая на веранде, читая книги и глядя на море, потускневшее из-за непогоды.

После обеда я опять валялась на веранде, глядя в небо. Тучи висели низко, просветов нигде не было видно. От скуки я включила радио, там передавали популярные несколько лет назад хиты в джазовой обработке.

– Может, кота завести? – обронила вслух.

И тут же подумала, какая же я жалкая. Я действительно за эти пять дней ни с кем словом не перемолвилась, да и раньше, кроме Муранаки, ни с кем толком не общалась. Но сразу после этих мыслей у меня вырвались такие слова. Слабачка.

Уезжая из токийской квартиры, я расторгла договор и с компанией мобильной связи. Не сказав никому ни слова – ни друзьям, ни коллегам на заводе, – я в одиночку уехала в Оиту. Только моя родная мать знала, что я здесь, но она, наверное, только радуется тому, что разорвала со мной отно-

шения, и вряд ли придет. Все когда-нибудь забывают про меня и уходят.

Я больше не хочу ни с кем общаться. Я желала этого – я получила это, и все же теперь чувствую себя одинокой и ищу чужого внимания.

«Ты, Кико, слабое существо, потому что не можешь без человеческого тепла. Тот, кто познал одиночество, боится потерь именно потому, что знает, каково это – быть одному», – услышала я голос Михару, и мне стало плохо. Михару знала меня одинокую, на самом краю, и то, насколько я нуждаюсь в тепле, тоже знала.

Приехав ко мне в больницу, она тогда сразу заорала:

– Дура, говорю же, дура! Зачем было так поступать? Во-круг тебя куча народу! И чего ты так уцепилась за его любовь? Ты совсем не обращаешь внимания на тех, кто рядом с тобой!

Лежа на кровати, я молча выслушивала обращенную ко мне критику. Действительно, я не одна. Но тогда я не смогла дать единственный ответ, который должна была дать, и если бы не поступила так, как поступила, то была бы мертва.

В глубине живота закололо, я скривилась и аккуратно помассировала больное место, положив руку поверх футболки. Мелодия затихла, вместо нее зазвучал бодрый голос ведущей. Она говорила, что из-за стационарного атмосферного фронта над Кюсю продолжаются затяжные дожди, однако фронт медленно смещается на северо-восток. В начале сле-

дующей недели должно было проясниться. «Друзья, к нам наконец-то вернется лето!»

На улице все еще лил дождь. Невозможно представить, что он когда-нибудь закончится. Поглаживая живот, я решительно встала:

– Схожу в магазин, – произнесла я вслух.

Я закрылась в четырех стенах, вот в чем проблема. Поэтому я решила заглянуть в «Кондо-март», раз давно там не была, купить мяса и вина получше, сделать себе роскошный ужин. Взяв кошелек, я вышла из дома.

О своем решении я пожалела, когда уже заплатила за покупки и укладывала их в пакет, выданный на кассе. Меня похлопали по плечу – это оказалась незнакомая старушка. На ней было явно купленное тут же балахонистое платье с узором из слоников.

– Чево, жизнью прожигашь, ага? – воинственно заговорила она с сильным местным акцентом.

Когда я собрала воедино те слова, которые смогла разобрать, то сообразила, что она, видимо, обвиняет меня за то, что живу, не работая. Она что-то говорила про «а сама-то молодая», про «жизнь на ветер» и постепенно распалаясь все больше – судя по всему, ее злило даже то, что я молча ее слушаю. Мутные глазки старушки вращались в глазницах, словно пытаюсь не выпустить меня из виду. Пока я недоумевала про себя, между нами поспешно вклинился мужичок с бейджем «директор магазина». Я услышала, как он говорит:

«Хикита-сан, так нельзя!», и где-то в уголке сознания промелькнула мысль – хорошо, что не «Муранака». И вообще, Муранака же пообещал их придержать. Я огляделась – почти все покупатели смотрели в нашу сторону. Некоторые неловко хмурились, однако большинство явно наслаждалось развлечением.

– Простите, я уже могу уйти? – спросила я.

Директор виновато поклонился:

– Извините, пожалуйста. Конечно.

Но Хикита (или как там ее) заговорила громче:

– Хтой-то ж должен ей сказать-та! Ишь, делат вид, шта не про нее! Нельзя ж таково дозволять, это ж куда мы скатимся-та? Она вона уж скатилась! Зря небо коптит!

Провожаемая этими воплями, я выскочила из магазина.

Увлечшись, я купила целых две бутылки вина, и потому пакет был тяжелым. Он врезался мне в ладонь, пока я крепко сжимала ручки, держа в другой руке зонт. Дождь все усиливался, и вместе с ним усиливалось охватившее меня уныние. И зачем я пошла в этот магазин? Сидела бы дома и хлебала лапшу быстрого приготовления.

Ноги в тонких резиновых шлепанцах промокли от разлетающейся грязной воды, футболка тоже намокла и липла к телу. Мои выющиеся от природы волосы из-за влажности обычно начинают торчать во все стороны, и на голове, наверное, уже была просто неприбранная копна.

Налетел сильный порыв ветра, и зонтик вырвало у меня

из рук. Он взлетел вверх и мягко приземлился у ворот заброшенного дома. Я бросилась было за ним, но передумала. Мне вдруг стало наплевать. Все равно это просто дешевый виниловый зонт за триста иен, не жалко. Что там зонт, мне даже пакет с покупками, который несла в руках, вдруг показался ненужным. Бутылки вина? Да пусть бы разбились. Мясо? Пусть бы оказалось утыкано осколками стекла. На меня напало желание бросить все, но тогда я лишь возненавидела бы себя за то, что не могу сдерживать эмоции. И хотя я перетерпела тот миг, когда хотелось все расколотить, вдруг отчетливо почувствовала острую боль в животе. У меня так перехватило дыхание, что я уселась прямо там, где стояла. Пакет поставила на землю, почти выпустив из рук, и бутылки звякнули.

Больно, больно... Из-за боли – такой же, как в тот миг, когда в меня вонзился нож, – я не могла дышать. Может, рана загноилась? Да нет, она ведь уже зажила. Да и врач в той частной клинике говорил, что у меня, наверное, больше психологические проблемы. Но как же было больно... Я скорчилась, прижимая руки к животу. Меня бесконтрольно била дрожь, из глаз катились крупные слезы. Наверное, я так и умерла бы. Тихонько бы скончалась там, где меня никто не знает...

– Ан! Ан! – в такие моменты я выкрикивала только одно имя.

– Ан, спаси меня! – выдавила я сквозь крепко сжатые зу-

бы... И вдруг дождь прекратился.

От удивления я даже подняла голову – перед моими глазами торчали ноги в джинсах, а подняв глаза, я увидела девочку, державшую надо мной мой улетевший зонт. Я вспомнила эту лососевую футболку и длинные волосы – этого ребенка я уже видела. Увидев мое залитое слезами лицо, девочка удивленно вытаращилась на меня.

Почему она подошла ко мне? Я ведь тогда несколько раз ее звала, но она и не подумала двинуться в мою сторону. Так почему сейчас?

Девочка вопросительно наклонила голову и потерла свой живот. Ее губы двигались, словно она что-то спрашивала, но звука не было. Может, она немая? Я бездумно рассматривала ее, но, случайно заглянув в пройму рукава, ахнула про себя. Показался знакомый цвет.

– Слушай... уже все нормально.

Боль медленно отступала, я вытерла глаза. На мою реплику девочка кивнула, значит, она не глухая.

– Знаешь... спасибо.

Девочка держала зонт только надо мной. Своего у нее, похоже, не было, она насквозь промокла. Разглядывая ее промокнутое тельце, я заметила, что она ужасно грязная. Ворот футболки стал коричневым, рукава и подол обтрепались. Джинсы были в таком же состоянии, а кроссовки мало того, что потрепанные, так еще и, кажется, не по размеру. Волосы тоже – не отпущены, а давно не стрижены.

Видимо, увидев по моему лицу, что боль прошла, девочка положила зонтик передо мной и собралась уходить. Я поспешно схватила ее за подол футболки.

– Пстой, подожди, – цеплялась я за нее.

Она вздрогнула, обернулась и посмотрела на меня.

– Послушай, мне все еще больно, я, может быть, не смогу двигаться. Ты, это... проводи меня до дома, пожалуйста.

Мне показалось, что нельзя с ней здесь расстаться, и я изо всех сил упрашивала ее:

– Я тут мяса слишком много накупила, мне одной все не съесть – может, поешь со мной? Любишь стейк? А я классно умею жарить мясо.

Девочка напряженно смотрела на меня, губы ее шевелились, но она не издавала ни звука.

– Согласна? Вот спасибо! Пойдем. Мой дом наверху, на холме.

Воспользовавшись тем, что девочка не могла толком высказать мне свои желания, я почти насильно притащила ее к себе.

Вернувшись, я сразу принялась набирать ванну. Девочка сидела в прихожей с бледным лицом, но я делала вид, что не замечаю этого. Как только она делала движение, показывающее, что хочет уйти, я тут же останавливала ее:

– Пожалуйста, побудь еще. Вдруг у меня опять заболит. А когда вода почти набралась, ухватила гостью за руку:
– Давай-ка в ванну.

Она мотала головой, всячески показывая свое нежелание, однако мне почти удалось затащить ее в предбанник:

– Не прощу себе, если ты из-за меня простудишься.

Я, старательно улыбаясь, чтобы не напугать ребенка, думала, какая же я дура. Все-таки решила притащить котенка с улицы. Нет, не так. Это совсем не так! Хотя... дело ведь не только в моих добрых намерениях?

– Давай вместе⁸. Я замерзла до смерти.

Я стала раздеваться перед замершей у двери девочкой. Засунув футболку и джинсы, с которых капала вода, в стиральную машинку, я, в одном белье, повернулась к девочке, и она сглотнула. Ее взгляд был направлен на мой живот. Она не могла оторвать глаз от еще свежего шрама сантиметров на пять выше пупка. Я ткнула в шрам пальцем и хохотнула:

– Это меня ткнули ножом. Вжик.

Вообще-то, размахивала лезвием и грозилась убить человека я сама. Но нож не оставил на нем ни царапины, а воткнулся в меня.

– Что ж, было дело... Неважно, давай в ванну.

Девочка была чуть ниже меня ростом. Когда я приблизилась к ней, в нос ударила вонь от тела и засаленных волос.

– Такое миленькое личико – будет просто преступлением не поухаживать за ним.

Залезем вместе в ванну – отмою ее как следует, думала я. Стоило мне взяться за полы одежды, как девочка увильнула

⁸ В Японии маленькие дети принимают ванную вместе с родителями.

ла, пытаюсь сопротивляться, однако я быстро поняла, что это она не в полную силу – видимо, боялась потревожить мой шрам. Я силой содрала с нее футболку и замерла.

По худющему телу с торчащими ребрами были, словно узор, рассыпаны синяки. Ребенок сжался, пытаюсь закрыть следы, и потому стала видна спина, тоже вся покрытая синяками.

Мне и тогда показалось, что в пройме рукава я увидела синяк, – значит, я не ошиблась. И все равно – так много?! Столько не может появиться от одного-двух избиений. Передо мной было тело, которое постоянно испытывает боль.

– Тебя бьют, да? – не удержавшись, спросила и тут же пожалела об этом. Разве можно так в лоб спрашивать? Ожидается ребенок тут же изменился в лице, открыл дверь и попытался убежать. Я услышала звук резко открываемой и закрываемой раздвижной двери в прихожей, бросилась следом и внезапно вспомнила, что стою в одном белье, так что только чертыхнулась. Хотела бросить на пол вещи, которые держала в руках, но поняла, что это чужая футболка. Я так и не выпустила ее. Ткань страшно воняла, и, глядя на нее, я лишь пробормотала:

– Это еще и мальчик.

Тонкое костлявое тело принадлежало мальчишке. Меня сбили с толку красивое личико и длинные волосы. Я совсем забыла, насколько бываю ненаблюдательна.

И все же – запущенный внешний вид и эти синяки. Ре-

бенок явно подвергается жестокому обращению. Что же делать? Нужно ли сообщать о таком? Я размышляла, рассматривая одежду в своих руках, еще хранящую тепло тела. Ведь кучу детей спасли благодаря вмешательству полиции. Но я знаю и о случаях, когда после такого детям становилось еще хуже. К тому же у меня не было никакой информации о мальчике.

Снова зашелестел дождь. Что теперь будет, спрашивала я себя, оставившись на одежду в своих руках.

Глава вторая

Голос, растворяющийся в ночном небе

В половине седьмого утра недалеко от моего дома группа людей, похоже, делала зарядку под радио. Ветер доносил какой-то шум и знакомую мелодию. Несколько дней я просыпалась под эти звуки, а потом вдруг решила сходить и посмотреть, что это за люди и где собираются.

Я вышла в футболке и шортах, потянулась как следует и глубоко вдохнула утреннюю прохладу прибрежного города. В небе надо мной пока не было ни облачка, с моря дул ласковый ветерок, прозрачная голубизна раскинулась во все стороны. Наверное, опять будет жарко.

Прислушиваясь, я зашагала в сторону, откуда доносились звуки. Спустилась примерно до середины холма, свернула на боковую улочку и вышла к зданию, перед которым была площадь. Я-то думала, что уже все вокруг обошла, но про это место до сих пор не знала. Наверное, это какое-то место для общественных собраний. В центре площади занимались зарядкой дети и старики. Присмотревшись, я поняла, что стариков больше, хотя и детей оказалось не так мало, как я ожидала. Были и малыши, которые пришли вместе с мамами, и дети повыше ростом – наверное, семи-восьмиклассники.

Среди детей того мальчика не было. А я почему-то надеялась – вдруг...

– Вам чего? – один из стариков заметил меня и подошел ближе. Это был дед с тщательно приглаженными седыми волосами и абсолютно прямой спиной. Возраст стариков я определяю плохо, но, судя по пигментным пятнам на коже и морщинам, ему должно было быть около семидесяти. На шее у него висела карточка с надписью «Председатель клуба бодрых старичков». Дед оглядел меня и понимающе кивнул:

– А-а, это вы та барышня, что переехала в дом наверху? Как вас зовут?

– Меня зовут Мисима. Приятно познакомиться.

Я поклонилась, и дед указал на болтавшуюся у него на груди карточку.

– А я – Синаги, председательствую в местном «Клубе старичков». Сейчас каникулы, так что мы каждое утро делаем вместе с ребяташками утреннюю зарядку. Присоединяйтесь.

Он улыбнулся, показывая зубы, и его лицо показалось ясным и открытым. Мне все время казалось, будто вот-вот раздастся бодрое «вжик-вжик», сопровождая его движения или слова. Пока я фантазировала, в беседу вмешался старик с гладкой лысиной:

– Да не бойся ты, председатель у нас хороший! – Почему-то старик был голый по пояс, а на его штанах, похожих на форму школьного спортивного судьи, было вышито имя «Кияма». – До пенсии он был директором средней школы,

достойный человек. Вот ежели б это я с тобой заговорил – можно было бы удирать без оглядки.

Он засмеялся каким-то кряхтящим смехом, однако по его лицу не было похоже, что он такой ужасный тип, как говорит о себе. Синаги обратился к нему:

– Итикава.

То есть все-таки не Кияма?

– Зарядка закончена, поставьте, пожалуйста, детям штамп-пы в карточки.

– Я? Пф-ф-ф, – фыркнул тот.

* * *

Воспоминания детства. На летних каникулах по утрам само собой разумеющимся было пойти на зарядку и принести с собой карточку участника. Я ходила туда, продирая заспанные глаза, и моя карточка была полна штампов. Тех, кто посетил все занятия, награждали копилкой в форме голубого кита – точно! У меня ее забрал Масаки! Он так рыдал, требуя такую же, что мама отобрала мою копилку и отдала ему. Но Масаки, при всей его жадности, очень быстро терял интерес к полученному, да к тому же неаккуратно обращался с вещами, так что через три дня копилка в форме кита разбилась вдребезги. Я невольно вспомнила, с какой грустью смотрела на голубые осколки, которые сунули в мусорное ведро. А ведь я так старалась, чтобы получить этого кита.

Синаги протянул мне карточку.

– Это вам, держите.

– Ой, спасибо. А на зарядку все местные дети приходят? – принимая карточку от председателя, спросила я. Он, фыркнув, засмеялся.

– Конечно. Как только наступают летние каникулы, детишки приходят сюда. Мы каждый год зарядку проводим, нас и по телевизору показывали – мол, вот место, где дети и старики поддерживают друг друга. Я даже давал интервью! Меня хвалили – сказали, что хорошо держался перед камерой.

Я неопределенно улыбнулась в ответ. Зачем он вдруг распинается передо мной? И вообще, меня больше волнует тот мальчик. Я очень хотела подробнее расспросить старика, но это могло показаться ему подозрительным. Пока я раздумывала, как спросить его, он опередил меня:

– А вы, Мисима, кажется, нигде не работаете?

– Откуда вы знаете?

Может, он из тех, кто толчется в «Кондо-марте»? Может, тамошние завсегдатаи тоже входят в «Клуб старичков»? Так или иначе, здешняя старичковая сеть явно прочнее и мельче рыболовной, и раскинута гораздо шире. Натянуто улыбаясь, я представила себе старичков, совместными усилиями вытя-

гивающих ее. А я, значит, запутавшаяся в этих сетях селедка иваси?

– Не знаю уж, какая у вас причина, но вы должны как можно скорее найти себе работу. Для воспитания детей плохо, если вокруг бесцельно болтаются безработные. Вам, как взрослому человеку, должно быть стыдно.

Синаги говорил весело и бодро. Однако смысл слов был совершенно такой же, что и у той бабки, и я почувствовала, как мое лицо напряглось. Тоже мне, хороший человек. Просто мерзкий старикашка.

– Мне кажется, что вынюхивать обстоятельства жизни других людей тоже нехорошо для воспитания детей. В общем, простите, что побеспокоила.

Не стоит с такими связываться. Я делано улыбнулась и ушла оттуда. А карточку швырнула в урну, которая стояла у входа на площадь.

Вечером того же дня неожиданно зазвонил звонок в прихожей. Я всполошилась – а вдруг это мальчик? – и выскочила, но там стоял Муранака с полиэтиленовым пакетом в руках. Наверное, у него был выходной – он пришел в футболке и в чиносах⁹.

– А, это ты, Муранака? – разочарованно вздохнула я, и мужчина поник:

– Злая ты. Обязательно было делать такой вид, будто увидела что-то противное?

⁹ Чиносы – легкие повседневные хлопковые мужские брюки.

– Да ладно, вовсе ты мне не противен. Ты что хотел? Деньги за работу я вам уже перевела.

Я настороженно смотрела на Муранаку, который вел себя раскованнее, чем раньше, но он продемонстрировал мне туго набитый пакет из супермаркета.

– Вот, хотел тебе отдать, если ты не против.

Пакет был полон мороженым. Самым разным: там были арбузный сладкий лед, ванильное мороженое в вафельной оболочке, шоколадное и еще куча других. Я удивленно уставилась на Муранаку, и он ответил:

– Просто хотел проверить, как ты тут, и еще нашел кое-что в старом альбоме покойного дедушки.

И он сунул мне в руки несколько выцветших фотографий. На них была моя тоже уже покойная бабушка. Наверное, это фотографии с занятия по игре на сямисэне. Бабушка – с красиво уложенными волосами, в кимоно – улыбалась, а вокруг нее сидели на коленях, как положено, несколько мужчин. На другой фотографии был какой-то летний праздник. Среди весело танцующих вокруг старинной башни людей в юкатах¹⁰ была запечатлена улыбающаяся бабушка.

У меня после нее ничего не осталось. Когда она умерла, мать выкинула все ее вещи. Ценности – тканное вручную дорогое кимоно осима-цумуги, кольцо с аметистом – все еще должны были лежать у матери в шкафу, но все остальное – повседневные вещи, альбомы – она выбросила без остатка.

¹⁰ Юката – однослойные легкие летние или домашние кимоно.

Поэтому я решила считать своим наследством этот заброшенный дом, на который не нашлось покупателя. Я вспомнила, что уже кое-что рассказывала об этом Муранаке, когда он помогал мне переставлять мебель.

– И ты специально для меня их искал? А уж вот это...

На одной фотографии на коленях у бабушки сидела маленькая девочка. Эта девочка с прической каре, с поджатыми губами и неприветливым видом – явно я в детстве.

– Это ведь ты, да? – мой гость счастливо засмеялся, будто мальчишка, нашедший сокровище. – Когда я увидел эту фотографию, решил непременно отдать тебе.

– Вот это да! Спасибо, это очень приятно!

Мать выбросила даже портрет бабушки, который изготовили для поминок. Я допытывалась у нее о причинах этого поступка, но она отлупила меня – мол, нечего вмешиваться. Мать ненавидела себя – внебрачного ребенка, и ненавидела бабушку, которая ее родила, не выйдя замуж.

«Я выросла с убеждением, что надо родить законного ребенка и законно его растить, – всегда говорила мать, когда напивалась. – Но яблочко от яблоньки недалеко падает – я и тебя, незаконную, так же родила».

– Я очень любила бабушку, – сказала я Муранаке, невольно прижав фотографии к груди. – Угостить, правда, могу только чаем. Зайдешь?

Мужчина выглядел удивленным, но потом, почесав щеку, сказал:

– А давай поедим мороженое.

– Давай. Заходи.

После этого мы сидели вместе на веранде и грызли мороженое, которое он принес. Я держала в одной руке арбузный лед и рассматривала подаренные фотографии.

– Вот тут, с правого краю, с кислой миной сидит мой дед, – пояснил Муранака, зачерпывая деревянной ложечкой мороженое «Белый медведь» из баночки. На фото был простодушного вида мужчина, чем-то и вправду напоминавший Муранаку.

– Выглядит серьезно.

– Не знаю, можно ли назвать серьезным такого бабника, как он. Он и на занятия-то ходить начал, чтобы поухаживать за твоей бабушкой, но, говорят, учился усерднее остальных. В конце концов даже стал известным исполнителем на сямисэне!

– Ничего себе, вот это твой дедушка дает!

На одном снимке бабушка улыбалась, а на другом – с серьезным лицом играла на сямисэне. Воспоминания, со временем потерявшие четкость, вставали перед глазами. А я-то думала, что больше не увижу ее.

– Кстати, я ведь как-то приходил сюда, забирать деда. Может, и с тобой встречался, – весело добавил мой гость.

Я гладила пальцем бабушкино лицо на фотографии, и вдруг мне в голову пришла мысль.

– Слушай! Ты ведь всегда здесь жил, всех знаешь, да? Не

знаешь мальчика – примерно семи-восьмиклассник, с длинными волосами? Худенький, лицо симпатичное, как у девочки. Похоже, не разговаривает.

Я была уверена, что и от него ничего не узнаю, но Муранака сразу же дал ответ.

– Наверное, это сын Котоми. Мы с ней учились вместе в школе, она приехала сюда с ребенком несколько месяцев назад. Я слышал, что у него какие-то проблемы, не разговаривает.

– Да, кажется, это он. Слушай, а ты с этой Котоми дружишь?

– Не-а, – пожал плечами Муранака. – Раньше – это одно, а сейчас с ней, по-моему, никто не дружит. Она вдруг бросила школу в старших классах, а потом и совсем исчезла, и лет десять про нее никто ничего не знал – где она, чем занимается. А когда вернулась – с ней почти взрослый ребенок, даже слухи про нее всякие стали ходить.

Я хмыкнула про себя. Видимо, забеременела еще в школе, уехала из города, родила. Мужчина, услышав мою версию, кивнул:

– Судя по возрасту ребенка, наверное, так и было. А почему ты вдруг спрашиваешь про него?

– Да так. У меня тут на днях, когда дождь был, зонтик ветром унесло, а он мне помог, – неопределенно улыбнулась я, стараясь не сболтнуть лишнего, и Муранака удивленно хмыкнул.

– Неужели он на это способен?

– В смысле?

– Слышал, у него проблемы с общением.

Я обалдела. Вот бы никогда не подумала.

– Говорят, что он на старом кассетнике все время слушает какие-то записи – то ли голоса птиц, то ли насекомых. Потом я еще слышал, что он не любит мыться и переодеваться – даже буйствует, когда его пытаются заставлять. В общем, неуправляемый. Вот, наверное, кошмар – растить такого, – серьезно заключил Муранака.

Сказал, что не дружит с Котоми, а столько всего знает. В этой деревне ничего не скроешь – от этой мысли меня пробрала дрожь. Однако, расспрашивая Муранаку, я поняла, что это отец Котоми жаловался направо и налево.

– Говорит, что жить с ним вместе еще ладно, но они же никогда раньше не встречались, мальчик ему как чужой, ни поговорить с ним невозможно, ни приголубить не получается у него. Моя бабуля тоже ему сочувствует – бедный председатель, говорит.

– Да уж... Что?! Председатель? – Меня зацепило слово, ведь где-то я недавно слышала название этой должности.

– Ну, председатель нашего «Клуба старичков».

Тот мерзкий старикашка? Ну надо же.

– Директор Синаги – я его до сих пор так называю. Он все силы отдавал образованию, и серьезные ученики и их родители его поддерживали. Я-то, балбес, из хулиганов, так что

меня он часто ругал. Это сейчас я понял, что это все, наверное, потому, что он о нас беспокоился. В общем, раз уж директор не знает, что делать, там наверняка совсем все плохо.

То есть он просто привечал тех, кого было легко воспитывать, подумала я про себя. Учителей, с предубеждением относящихся к ученикам, которые ведут себя не так, как положено, где угодно полно. Дедуля-судья, которого я встретила утром, уверял, что председатель – хороший человек, но мне так не показалось, да и вряд ли он был таким уж выдающимся учителем.

Доев мороженое, Муранака пригласил меня как-нибудь сходить выпить – мол, недалеко от рыбного рынка есть хорошая распивочная-идзакая. Я не ответила, и он добавил:

– Если не хочешь вдвоем, можем позвать Кэнту или еще кого. Хорошо же завести друзей. Опять же, поможем, если что случится.

Он добродушно засмеялся. Я поняла, что обо мне беспокоятся, и это было приятно, но все же отказала:

– Не пойду. Не хочу, чтобы мне помогали.

Муранака выглядел удивленным. А я и правда больше не хочу, чтобы меня спасали. Мне нельзя себе это позволять.

– Спасибо за фотографии и за мороженое. А теперь иди, – сказала я Муранаке и вернулась в комнату.

Мне снился повторяющийся сон. Он повторялся нерегулярно – как рыба, живущая в морских глубинах, вдруг по какому-то капризу появляется на мелководье.

Время – после полудня, через раскрытую стеклянную дверь дует легкий ветерок, колышет занавеску. На разложенном диване дремлет с младенцем мать. Малышка усердно сосет пальчик, раздаётся чмокание. Заметив это, отец берет младенца из женских рук и целует его в мягкую щечку. Испугавшись, мать просыпается, но мужчина с улыбкой успокаивает ее и предлагает немного поспать – мол, ты ведь устала, каждый день без отдыха. Она благодарно улыбается мужу. «Знаешь, я так счастлива! До сих пор не верю, что меня ждало такое счастье».

Прекрасная картина. Бывает такое уверенное счастье, которое никто не может нарушить. Я издали наблюдаю спокойный свет, который излучает эта картина. Мне туда нельзя.

«Ма-ам, мне тоже хочется подержать братика. Хочу вдохнуть всей грудью его сладкий молочный запах». Я хочу сказать это маме, но слова комком застревают в горле, поэтому я не могу их произнести. Во сне я знаю, что меня отругают, если я так скажу.

Это моя семья – близкая и такая далекая.

«Куда ты смотришь, Кико? – отчим замечает, что я смотрю на них, и его улыбка исчезает. Его голос звучит холодно. – Нельзя смотреть такими жадными глазами. Иди в другую комнату».

Я боюсь его лица, похожего на театральную маску, лица, с которого исчезли все эмоции. Если не послушаюсь, он меня ударит, но мои ноги не двигаются. Что-то во мне надеется, что мать позовет: «Иди ко мне». Хотя этого не может быть. С чего бы? Она даже не смотрит на меня.

Отчим раздраженно прищелкивает языком и приближается ко мне. Надо бежать, спастись, а ноги никак не двигаются!

– Ну, папа...

– Слушай, что тебе говорят!

Хрясь – раздаётся пощечина, и я просыпаюсь от удара. Как всегда.

Распахнув глаза, я увидела над собой уже ставший привычным потолок и, проморгавшись, выдохнула.

– Давно мне это не снилось.

Это воспоминания двадцатилетней давности. Я думала, что совсем забыла об этом, но картина была такой же яркой, как если бы все произошло вчера. Я ведь больше не хочу, чтобы мать смотрела на меня, так почему я опять увидела этот сон? Может быть, потому что перед приездом сюда впервые за долгие годы встретилась с ней?

«Я думаю – чего это она приехала, а ей бабкин дом нужен.

С чего вдруг?»

Когда я добралась до родительского дома, мать, как обычно, встретила меня холодно. Кажется, приезд дочери, с которой она много лет не виделась и не общалась, был ей крайне неприятен. Я не ждала, что мне обрадуются, но и выхода другого не было: если хочу обеспечить себя жильем, надо было навестить ее.

«И что ты будешь делать с этой развалюхой в деревне?»

«Жить», – коротко ответила я, на что мать нахмурилась.

«Поедешь на окраину Кюсю? Ты что, натворила что-нибудь? Если из-за тебя Масаки не сможет устроиться на работу...»

«Ничего я не натворила. Просто хочу жить там и смотреть на море».

Мне хотелось уехать и больше не возвращаться. Когда я сказала это матери, она недоверчиво посмотрела на меня и спросила:

«Будешь жить с ним? Как там его... Невежливый такой? Замуж за него собралась?»

«Посмотрим. В общем, отдай мне тот дом. Тогда я больше у вас не появлюсь. Можешь вычеркнуть меня из семейных списков».

Мать выпучила глаза. Я посмотрела ей прямо в лицо. Она выглядела старше, чем я ее помнила, и почему-то меньше. На тыльной стороне ладони, которая столько раз била меня, проступили вены и косточки. Неужели эти руки когда-то лу-

пили и гоняли меня?

«Ты можешь откупиться от такой обузы, как я, ненужным тебе домом – по-моему, это недорого. Отдай его мне».

Мать сделала вид, будто задумалась, а потом сказала:

«Только не начни потом денег клянчить».

Я кивнула.

«Могу дать расписку».

«...Ладно уж, не надо».

Мать безразлично махнула рукой и пообещала заняться формальностями.

«На твоё имя записать? Только больше сюда не приезжай».

Через несколько дней она позвонила мне на мобильный, чтобы сказать, что всё сделано. Договор с оператором связи я собиралась расторгнуть, так что этот разговор с матерью должен был стать последним.

«Ну, что, мама, прощаемся. Слушай...»

Я хотела спросить, любила ли она меня хоть немного, но не смогла договорить. Мать без колебаний оборвала разговор. Слушая её холодный деловой тон, я задумалась – интересно, кем я для неё была. Знаю, что была внебрачным ребёнком, хотя были вечера, когда она обнимала меня и говорила, что хотела меня родить. Были ведь слезы по утрам, когда она говорила, что смогла выжить, потому что у неё была я. Неужели всё это были лишь мои иллюзии? Дай же мне поверить в реальность, что так долго поддерживала меня...

– Ну и ладно, мне уже все равно, – произнесла я нарочито громким голосом.

Мне это безразлично. Я больше не та девочка, которая просыпается в слезах, а мать – всего лишь напоминание о той жизни, с которой я покончила по своей воле. Мне больше не надо за ней гнаться.

«В следующей жизни ты встретишь свою духовную пару. Я уверен, что ты сможешь найти того единственного, кто станет твоей половинкой, кого ты сможешь полюбить и кто будет любить тебя. Ты будешь счастливой».

Это мне сказал Ан, который спас меня, когда я была раздавлена мыслью о том, что потеряла мать. Конечно, я не могла поверить, что в этом мире существуют такие дикие вещи, как духовные пары. Но он так уверенно говорил об этом и улыбался. *«Не бойся, он наверняка существует. А до тех пор защищать тебя буду я».*

Тогда мне казалось, что я смогу продолжать жить только благодаря его словам. Неважно, будет у меня духовная пара или нет, я смогу жить дальше благодаря ему. Тогда я чувствовала себя полной жизни и довольной и верила в это всем сердцем.

Я встала с постели и открыла окно. Вдалеке раскинулось ярко-синее море, над ним плыли первые облака, похожие на сахарную вату. Еще не нагретый ветер доносил до меня музыку зарядки по радио. Наверное, и сегодня старички, кряхтя, с натугой выполняли движения, а дети получали

штампы в свои карточки. Обычное спокойное утро. Приятная глазу картина, знакомые с детства звуки. Я и сегодня планировала заняться садом, а потом поесть вчерашний карри. А на полдник у меня – сладкие вараби-моти¹¹, заказанные в интернет-магазине, – говорят, самые вкусные в префектуре Нагано. По радио передали, что к ним непременно надо подавать соевую муку кинако и сироп из тростникового сахара куромицу.

Начало обычного дня, которое не предвещало никаких болезненных ран. Не о чем печалиться. Но стоило мне вспомнить, что его больше нет, день сразу стал кошмарным – как будто все фишки в игре «Реверси»¹² разом перевернулись. Разбитые надежды рвали сердце на мелкие кусочки. Сегодняшний день уже не получилось бы провести спокойно.

– Ан! Ан! – повторяла я, словно молитву.

В детстве это была мать. Когда мне было плохо или больно, или грустно, я, словно заклинание, повторяла: «Мама!» Когда-то мать была для меня священнее Бога, священнее Будды. Интересно, когда я стала обращаться не к матери, а к Ану? Сейчас мне даже кажется, что я всегда звала Ана,

¹¹ Вараби-моти – желеобразные шарики из крахмала (муки из корней папоротника), обсыпанные поджаренной соевой мукой кинако. Обычно подаются с сахарным сиропом.

¹² «Реверси» – логическая настольная игра с двусторонними фишками, в которой два игрока пытаются окружить фишки соперника и, если это удалось, переворачивают их другим цветом вверх, присоединяя к своим.

сколько себя помню. И я была виновата в том, что потеряла человека, к которому сама же обращалась в своих молитвах.

– Ан! Ан!

Вот бы можно было жить только воспоминаниями. Ведь есть же, говорят, люди, которые живут, сжимая в объятьях вечный бриллиант, который они выменяли на прозвучавшие всего один раз слова. Хотелось бы мне так же уметь. Я всем сердцем хотела бы жить, украсившись днями, которые провела вместе с Аном, но я не так высоконравственна, чтобы меня можно было обменять на драгоценность. Я до противного глупа, слаба, да к тому же совершила непростительное преступление.

Я несколько раз прокричала его имя, но потом мой голос увял. Каждый раз, когда молитва, которая не могла больше достичь ничьих ушей, слетала с языка, тело словно парализовало, я не могла дышать. Вдруг до меня дошло, что я смотрю в небо и рыдаю в голос.

Не знаю, сколько я так проплакала. Когда голова уже начала раскалываться от боли, а лицо оказалось залито слезами и соплями, я услышала, как кто-то робко стучит во входную дверь. Вытерев слезы, я решила сделать вид, что меня нет дома. Через некоторое время опять раздался стук. Стучали как-то застенчиво, и, как только я поняла, кто это, тут же встала и бросилась в прихожую.

Резко открыв дверь, я как и ожидала, увидела того самого мальчика.

– Так и думала, что это ты.

Я попыталась улыбнуться, но ничего не вышло. Глядя, как я кривлю заплаканное лицо, ребенок удивленно открыл рот. Он робко начал поглаживать свой живот – видимо, беспокоился о моем шраме.

– Прости, что напугала тебя. Все в порядке. Я просто плакала. Хотя мы с тобой всегда встречаемся, когда плачу.

Я с силой потерла руками лицо и улыбнулась. Мне показалось, что я выгляжу получше, однако, видимо, ненамного. Мальчик с обеспокоенным видом указал на мой живот.

– Нет-нет, живот не болит. Как бы тебе объяснить? Мне плохо, тяжело... нет, не так. Как бы сказать-то? Страшно! Да, мне страшно.

Мне ужасно страшно.

Мальчишка, наверное, подумал, что я чего-то испугалась. Он с опаской огляделся и даже заглянул мне за спину.

– Нет-нет, не в этом дело. Мне показалось, что меня бросили, что я заблудилась и осталась одна... Непонятно, да? Извини. А почему ты вообще пришел? – спросила я, и мальчик, все еще обеспокоенно хмурясь, оттянул на себе одежду.

Сегодня он был в заношенной белой футболке – она выглядела скорее как мужское нательное белье. Он оттянул подол обеими руками и продемонстрировал мне.

– Что-что? А! Ты, наверное, про ту футболку, которую я заставила тебя снять?

Мой гость, все так же держась за подол, несколько раз кив-

нул.

– Сейчас, погоди.

Я зашла в дом и вынесла футболку. На лице ребенка отразилось облегчение. Когда я отдала ему вещь, на его лице на миг проступила радость, но тут же он снова нахмурился.

– Хочешь сказать, что я зря это сделала?

Футболка так воняла, что я постирала ее.

Мальчик хмуро посмотрел на аккуратно сложенную вещь. Я-то думала, что от одной стирки ничего не случится, а вдруг его будут ругать? Ох, что же я наделала...

– Прости. Влезла не в свое дело, да? – поспешно сказала я, но он помотал головой, а потом, опустив голову, собрался уходить. Я схватила его за руку.

– Ты прости, что тогда пыталась тебя заставить. Не хочешь сладкого? Купила вараби-моти в интернет-магазине, кажется, они очень вкусные.

Он неловко замотал головой.

– Не любишь сладкое? Тогда, может, чипсы? У меня вкусов пять есть!

Он опять помотал головой. На лице его было отчаяние, и я сказала:

– Извини. Честно говоря, я просто хотела, чтобы ты побыл рядом. Мне сейчас до смерти одиноко.

При этих словах у меня по щеке опять скатилась слезинка. Я чуть сильнее сжала его руку в своей.

– Хотя бы чуть-чуть. Пожалуйста.

И чего я пристала к ребенку?! Мне ужасно хотелось ощутить рядом тепло хоть какого-то живого существа.

Напряжение вдруг оставило его тело. Я шмыгнула носом и свободной рукой вытерла лицо, взглянула на него – он сделал шаг ко мне и заглянул в глаза. Его глаза, похожие на игрушки из тонкого, слабоокрашенного стекла, уставились на меня, и что-то дрогнуло в их глубине.

На эту бессловесную доброту я ответила лишь:
– Спасибо.

Видимо, остерегаясь меня из-за того, что произошло в прошлый раз, ребенок не захотел входить в дом. Поэтому я вынесла на веранду низенький столик, которым обычно пользуюсь, и мы с ним поели карри. Когда я спросила его, завтракал ли он, и сказала, что у меня есть карри, у него в животе громко заурчало. Мальчишка покраснел и заволновался, на что я быстро отреагировала:

– Я еще не завтракала, давай поедим вместе!

Еда получилась острой, из-за чего я немного беспокоилась, но мальчик ел, не отрываясь.

Солнечные лучи были еще мягкими, дул ласковый ветерок, создавая ощущение, что у нас тут пикник. Мои растрепанные чувства под дуновением ветра тоже потихоньку успокаивались. Хорошо, что он зашел.

– Вкусно? – поинтересовалась я.

Мальчик, бросив быстрый взгляд на мое опухшее от дол-

гого плача лицо, ответил большим кивком. Он съел свою порцию очень быстро, и я предложила ему добавки, на что получила еще один смущенный кивок.

– Ешь, сколько хочешь. Я ведь одна, так что даже собиралась заморозить остатки.

Поедая свою порцию карри, я украдкой наблюдала за мальчиком. Муранака говорил, что с ним невозможно общаться, что он буйный, но у меня совершенно не создалось такого ощущения. Наоборот, он выглядел как какое-то слабое существо, зайчонок или птенчик. Он выпил воды, выставив свою тоненькую шейку, и громко выдохнул. Щеки его чуть-чуть зарумянились, и он довольно сощурился. Я уже знала, что это парень, но он все равно казался мне нежным, словно девочка.

– Что хочешь на десерт? Давай после острого поедим сладенького. Я уже говорила, у меня есть вараби-моти. По радио сказали, что они о-о-очень вкусные, потому и заказала. В удобном мире живем, правда? Где бы ты ни был, можешь заказать все, что хочешь. Честно говоря, без телевизора и мобильного я еще могу обойтись, но интернет просто необходим! Так что я купила себе планшет.

Болтая так, я приготовила вараби-моти: посыпала их мукой, обильно полила сиропом и поставила перед мальчиком, и его глаза засверкали. Он вопросительно взглянул на меня, и я кивнула:

– Ешь.

Он совсем чуть-чуть замешкался, будто ему было неловко, но, видимо, все же не смог удержаться и быстро начал есть. Чуть-чуть задохнулся – похоже, вдохнул муки – и быстро запил водой. Глядя на то, с каким аппетитом ребенок глотал, я сообразила: наверное, он давно ничего не ел. Непохоже было, что мой гость пришел ко мне после завтрака. Я посмотрела на часы: чуть больше восьми. Обычно в это время он бы завтракал после радиозарядки. И тут мне в голову пришла такая мысль, что я даже невольно вскрикнула. Мальчик вопросительно взглянул на меня, и, чтобы не спугнуть, я засмеялась: «Не обращай внимания».

Точно, вполне возможно, что его бьет Синаги – родной дед. А чтобы скрыть синяки на теле, председатель окружающим врет, будто внук не любит переодеваться и принимать ванну и будто с ним невозможно справиться.

По спине пробежал неприятный холодок. Если это так, мальчик, который не умеет говорить, ни к кому не может обратиться за помощью. А поскольку его дед считается тут выдающейся личностью, пареньку никто не поверит, даже если он попробует о чем-то таком заявить.

Мальчик вдруг замер и огляделся – кажется, отреагировал на крик птицы в саду. Глядя на его поднятое к небу лицо с прищуренными глазами, я вспомнила, что Муранака говорил, будто он интересуется пением то ли птиц, то ли насекомых.

– Ты любишь птиц? – спросила я, и он утвердительно кив-

нул.

Я уже съела свою порцию, поэтому сходила за планшетом и открыла сайт с видео. Когда включила ролик с поющим соловьем, мальчик удивленно взглянул на экран. Он внимательно смотрел на сидящего на ветке и звонко расппевающего соловья как на что-то до крайности удивительное. Дети его возраста обычно прекрасно знакомы с планшетами, а этот словно впервые видел такое устройство.

– Можешь посмотреть. Когда ролик закончится, коснись вот здесь. Тогда сможешь переключить на следующий.

Ребенок несколько раз кивнул и сразу оказался в плену у планшета. Сколько я к нему ни обращалась, он не реагировал. Я показала ему, как посмотреть ролик еще раз, как регулировать звук, и через час он уже прекрасно справлялся сам.

– Во дает!

Я восхитилась потрясающей способностью впитывать новое и одновременно усомнилась в том, что у мальчишки действительно есть какие-то проблемы с головой. Если не считать того, что он не говорит, вел он себя совершенно нормально. Конечно, я не общалась с ним тесно, так что не знаю, что там на самом деле, и все же я почему-то была уверена, что это совершенно обычный ребенок. Он просто по какой-то причине не разговаривает.

Мальчик протянул мне планшет. Кажется, случайно кликнул на рекламу. Его губы шевелились, будто он что-то говорил, но беззвучно.

– Смотри, в таком случае надо нажать вот сюда. А еще...

Я взяла в руки планшет и стала показывать, как с ним управляться. Прозрачные глаза мальчика следили за моими руками, и я осмелилась украдкой взглянуть на его лицо.

От него пахло так же, как от меня, – одиночеством и отсутствием родительской любви. Наверное, именно этот запах отнял у него дар речи. С этим запахом сложно бороться. Сколько ни мойся, он не исчезает. Запах одиночества впитывается не в кожу, не в плоть, а в душу. Если кто-то смог от него избавиться, значит, этот человек ни в чем больше не испытывает нужды. Так же, как растворяются и становятся невидимыми чернила, когда их выльешь в море, если в душе щедро, подобно огромному морю, разливается вода, то пропитавший душу запах одиночества растворяется и перестает быть заметным, и тогда человек становится счастлив. Но есть и такие люди, которые, хоть и устали от щекочущего ноздри запаха, живут с мутной водой внутри. Как я.

Из планшета снова донеслась птичья трель, и лицо мальчика просветлело. Глядя на него, я подумала, что хочу сделать его запах слабее, и одновременно у меня появилась мысль, что мне это не под силу. Я для себя-то не могу сделать все так, как хочу, куда уж мне спасти еще кого-то. Тебе одиноко, вот ты и хочешь взять котенка, расхохотался мой внутренний голос. Поэтому я разглядывала лицо мальчика, словно бы издалека.

С того дня он стал каждый день приходить ко мне. Пол-

дничал со мной на веранде, иногда обедал и не отрывался от планшета. Похоже, его увлекало не только птичье пение, но и голоса животных. Он с таким интересом наблюдал за всем этим, что я могла только восхищаться его сосредоточенностью.

Прошло несколько дней, и, собравшись в очередной раз окликнуть его, вдруг поняла, что так и не спросила, как его зовут.

– Совсем забыла. Слушай, я же не могу всегда звать тебя «слушай» или «эй» – может, скажешь, как тебя зовут? Вот я – Кинако. Вообще-то я Кико, но мне придумали прозвище Кинако. Славное, правда?

Я написала палкой, которая валялась на земле, иероглифы моего имени и подписала рядом «Кико». Мальчик читать умел – не знаю, правда, насколько хорошо. Я видела, как он набирал в поиске «лев» или «кукушка».

– Зови меня Кинако. А теперь твое имя. Ну? – спросила я, протянув ему палку.

Ребенок сжал ее в руке, ненадолго задумался, а потом медленно вывел:

– Паразит.

В смысле?! Я, затаив дыхание, смотрела на мальчика, пытаюсь понять, что он чувствует, но не могла.

Футболку, которую я ранее выстирала, он с того дня не носил. Он надевал новое мужское белье примерно раз в три дня. Вроде бы мылся, голову тоже мыл. В какие-то дни от

него пахло, в какие-то – нет. Дотрагиваться до себя не разрешал, так что я не могла посмотреть, но синяки наверняка оставались – думаю, его бьют. Это точно были следы жестокого обращения, которые он старался спрятать, но не мог.

– Так, то есть твое имя похоже на «паразит»? Как у меня – прозвище? – спросила я, думая при этом, что это невозможно. Как я ни ломала голову, приятных причин для этого не находила. Как я и ожидала, мальчик покачал головой, с досадой отбросил палку и снова взялся за планшет. На его лице было только раздражение. Я должна быстрее с ним подружиться. Так, чтобы он хотя бы мне рассказал, в какой ситуации оказался.

Позже, развешивая во дворе белье, я вдруг услышала знакомый звук. Невольно оглянулась – кажется, он доносился из планшета. Наверное, пока мальчик прокручивал ролики, дошел до этого животного.

– Это же...

Сидевший на веранде и внимательно прислушивавшийся к этим звукам ребенок – я, разумеется, не могла называть его «паразитом» – заметил мое удивленное лицо и указал на планшет.

– Это, ну... как же ты нашел-то... я часто слушаю это.

Ребенок, указывая на планшет, вопросительно посмотрел на меня. Наверное, он не понимал, что за животное издает этот звук. Я сунула высохшее полотенце в корзину для белья и села рядом с мальчишкой.

На экране в темной воде вверх поднимались пузырьки воздуха, и, будто эхом, отдавался глубокий звук. Он был похож на глубокое дыхание или на мелодию, которую мурлыкают под нос. Как будто голос, который ласково зовет.

– Так поют киты.

Брови мальчик слегка поднялись.

– Неожиданно, да? Говорят, что киты в море поют, призывая других китов.

Он восхищенно выдохнул и перевел взгляд на море перед нашими глазами. Я тоже посмотрела туда.

– Потрясающе, правда? В таком огромном, глубоком море их голоса слышны сородичам. Я думаю, что они и беседовать могут. Интересно, что этот говорит?

Надеюсь, не какую-нибудь ерунду. «Какая светлая лунная ночь. Здесь море красивое, приятно плавать. Давно не виделись с тобой, хочу встретиться». Вот бы они так болтали!

– Интересно, как звучит в море голос собеседника? Мне кажется, чувства того, с кем он общается, должны обволакивать все его тело.

Всем телом воспринимать те чувства, что направлены на тебя, всем телом их слушать. Наверное, это так приятно!

– Представляешь – как бы далеко вы ни находились друг от друга, можно ощущать то, что чувствует к тебе твой сородич. Правда, есть и те, кто лишен этого счастья.

Мальчик вдруг резко встал. Он недовольно нахмурился и скривил губы. Я даже не успела спросить, в чем дело, как его

след простыл.

– Я же еще не успела ничего рассказать!

Когда он проявил интерес к голосам китов, я решила рассказать ему все, потому что мне показалось, что он поймет, почему слушаю голоса китов.

– Интересно, придет ли он еще? – тихо пробормотала я.

* * *

В интернет-магазине я купила велосипед. Меня беспокоило, что я мало двигаюсь, а еще хотелось бы расширить свою сферу передвижения. Теперь, если постараться, можно было добраться и до «Иона». Кто бы мог подумать, что именно в деревне осознаешь истинную ценность онлайн-магазинов? Все-таки невозможно прожить с одним «Кондо-мартом». В ожидании, когда на тамошних полках появится сицилийское вино или бельгийское пиво, пожалуй, и умереть успеешь.

Я отправилась покататься на только что доставленном велосипеде. Съехав с холма, заработала педалями, направляясь в сторону рыбного рынка, где раньше почти не бывала. Миновала группку зданий с опущенными ржавыми ставнями-жалюзи – видимо, раньше это были частные магазинчики. Один участок – кажется, детская площадка – зарос травой, доходившей мне до пояса, одиноко торчали шарообразная конструкция для лазания – «паутинка» с облезлой краской – и горка.

– И как ты, бабуля, здесь жила? – пробормотала я про себя.

Работая гейшей в Токио, бабушка, говорят, вела роскошную жизнь. По словам матери, у них была экономка, бабушка обучала молодежь и выбиралась то в Асакусу, то в театры – в общем, привыкла проводить время изысканно. Судя по рассказам, она перебралась сюда, когда мне было три года, так что ей тогда было около шестидесяти. Надо же – в солидном возрасте устроить себе такое приключение как переезд, да еще и в город, где ничего нет, да еще и в одиночку! Я вот до этого не жила богато – и то ощущаю неудобства.

«Жила напоказ, – фыркала мать. – Когда ее оставили богатые клиенты, сорившие деньгами, она уже не могла вести ту же роскошную жизнь. Но она любила пустить пыль в глаза и не хотела, чтобы над ней смеялись те, кто знал ее в годы расцвета, вот и удрала в деревню, где ее никто не знал. Глупо! Впрочем, куда бы она делась от одинокой старости – содержанка!»

«Шикарная была гейша!» – так сказал отчим. Это случилось, когда бабушки уже не стало. Когда мне было шесть, она быстро и легко умерла от разрыва аорты или чего-то в этом духе. Посреди занятия она вдруг стала задыхаться, ее увезли в больницу на скорой, но спасти не смогли. Мать, ненавидевшая бабушку, даже тогда сказала, что ни за что не будет за ней ухаживать, но ей и не пришлось. После смерти бабушки

осталось достаточно денег, чтобы хватило на похороны, вот тогда-то отчим и сказал, мол, противно считать такую своей родственницей. Это ж какой стыд – содержанка! Но при этом он с уважением говорил о ее образе жизни: мол, сумела сохранить образ известной гейши, женщины с хорошим характером и до самого конца жила с шиком. И это стоило ценить.

А для меня бабушка была просто-напросто добрым человеком с мягким смехом. Она не важничала, не кичилась роскошью, она была душевной и красивой, как горечавка, тихонько цветущая в углу сада. Бабушка, о которой говорили мать с отчимом, отличалась от той, какой ее знала я.

Они оба не знали, почему она выбрала это место. Город, с которым нет никакой связи, в котором не на кого опереться. Ничем не примечательный, обычный рыбацкий городок в провинции. Интересно, что она здесь искала? Как жила?

Погруженная в эти мысли, я крутила педали и очнулась, только когда оказалась у скоростного шоссе. Пока оглядывалась вокруг, выбирая, куда поехать, меня окликнули:

– Мисима!

Я подняла козырек своей бейсболки и посмотрела туда, откуда донесся голос, – из окна «универсала» высунулся Муранака и махал мне рукой.

– Ты чего здесь делаешь?

– Купила велосипед, осваиваю.

– Ишь ты. Обедала уже? Я вот собираюсь.

Задумавшись, посмотрела на часы – почти час дня.

– Хочешь, вместе поедим? Покажу вкусную столовую.

Я немного подумала – давно не ела вне дома. Раз у меня теперь появился велосипед – а пусть покажет!

– Хорошо, поехали.

Муранака просиял.

Я поехала за его машиной, и через несколько минут мы добрались до небольшого ресторанчика. На синих занавесках у входа белыми буквами было написано «Закусочная Ёсия». Я протянула руку, чтобы открыть раздвижную дверь из матового стекла, но навстречу вышла группа дяденек в рабочей одежде. Мы вошли, и я увидела, что внутри было просторнее, чем казалось. Стояло четыре столика на четверых и еще четыре места на подиуме. Подиум, видимо, как раз занимали те дядечки – там еще стояла посуда, которую торопливо убирали со стола две девушки в фартуках.

Мы сели лицом друг к другу за свободный столик у окна, и я раскрыла меню. Здесь были карри, отбивные, тянпон – густой суп с лапшой, мясом и овощами, острые кусочки жареной курицы – в общем, довольно много вариантов. Выбор отдельных блюд, не входящих в комплексный обед, тоже был богатым, так что закусочная, кажется, была популярна у простого народа. Вечером тут можно было и выпить.

– Кстати, а где Кэнта?

– Он увлекся сотрудницей ресторанчика, который открыли за «Ионом», – нахмурился Муранака.

Он рассказал, что Кэнта – парень настойчивый и решил

ходить на обед только туда. Муранака, пытаюсь поддержать чувства подчиненного, тоже ходил вместе с ним, но потом ему надоело, и сегодня он отправился обедать сам по себе.

– Ладно, неважно. Рекомендую вот это – ланч с тэмпурой¹³ из курицы.

Мужчина ткнул пальцем в ланч с огромной фотографией, рядом с которой было красным написано: «Самое популярное блюдо». Он объяснил мне, что тэмпура из курицы – самое известное местное блюдо, и что вся его семья любит эту закусочную – когда они приходят сюда, только эту курицу и заказывают.

– Что ж, тогда тоже попробую. Будьте любезны!

Я позвала официантку, и девушка тут же подошла к нам. Пока я заказывала два ланча с тэмпурой из курицы, Муранака вдруг сказал:

– Эй, ты же Котоми, да?

Услышав это имя, я невольно вздрогнула, посмотрела на девушку в джинсовом фартуке и белой косынке и выпучила глаза от удивления. Она действительно лицом напоминала того мальчика.

– О, Муранака...

У нее была тоненькая девичья фигурка. Она застенчиво улыбнулась и каким-то детским жестом потерла щеку. Но вот лицо у нее было, как у старухи, – так что и не подумаешь, что она одноклассница Муранаки. Она выглядела жалко – будто

¹³ Тэмпура – обжаренные в кляре морепродукты или овощи.

красивый цветок, увядший от яда.

Значит, она – мать того мальчика?

– Мы ведь уже больше десяти лет не виделись, а ты меня до сих пор помнишь!

– Так я ж тебя знаю с первого класса. Хотя... как бы это сказать... ты сильно изменилась, – заметил Муранака, подыскивая слова. Котоми улыбнулась:

– Женщины постоянно меняются.

– Да нет, я... Да-да, конечно!

– Хи-хи! А ты, Муранака, все такой же искренний. Так мило. Итак, ваш заказ – два ланча с тэмпурой из курицы? Заказ принят, – чуть склонив голову набок, с улыбкой сказала она, будто звезда сцены, и исчезла на кухне. Оттуда сразу послышалось: «Котоми! Иди отдохни!» – «Хорошо!»

– Тяжело ей, наверное, пришлось, – печально пробормотал Муранака, глядя ей в спину. И тут же добавил, уже обращаясь ко мне: – В средних классах¹⁴ была первая красавица! Хорошенькая такая, все в нее были влюблены. У меня несколько друзей ей признавались в любви – всех отвергла. Она поступила в неплохую, по местным меркам, старшую школу – я-то балбесом был, попал в самую плохую... в общем, мы в старших классах в разных местах учились, но про

¹⁴ Школьное обучение в Японии делится на три ступени: младшие классы (шесть лет), средние классы (три года), старшие классы (три года), нумерация не «сквозная», т. е. российский восьмиклассник будет «второклассником средней школы». В школу обычно поступают в шесть лет, заканчивают в восемнадцать, возраст ученика средних классов – примерно тринадцать-пятнадцать лет.

Котоми я часто слышал. Когда все узнали, что она бросила школу и уехала из города, на ушах стояли – были уверены, что ее взяли куда-то моделью или актрисой. А потом вот как оказалось... Печально. Муранака задумчиво смотрел куда-то вдаль, и перед его взором, наверное, представала красавица Котоми – такая, какой она была в детстве.

– А какая она была по характеру?

– Пожалуй, избалованная. Такой хорошенькой девочке ведь много прощается. Она была не столько звезда, сколько принцесса.

Я неопределенно хмыкнула. И такая теперь зовет собственного ребенка «паразитом»? Одевает его в обноски, бьет, а может, и не кормит толком.

Интересно, поверит ли Муранака, если сказать ему об этом? Предпримет ли какие-то действия?

Я хотела ему сказать и не смогла открыть рот. Если расскажу Муранаке об этом, не исключено, что мальчику станет еще хуже.

* * *

Мне самой довелось намучиться от такой легкомысленной доброжелательности. Когда я была в четвертом классе, наша классная руководительница сделала матери замечание по поводу того, что я хожу в неглаженной форме. «Я понимаю, что у вас есть еще и маленький ребенок, но, если вы немного

проявите заботу, Кико не будет чувствовать себя так одиноко. Покажите ей своим отношением, что вы и ее тоже любите».

Это было перед зимними каникулами, маму вызвали в школу, и мы вдвоем сидели перед учительницей. Она светилась от собственной значимости, а мать скромно поклонилась: «Простите, что не обращала на это внимания. Мне очень стыдно». От меня не укрылось, как на миг застыло ее лицо. Как я и думала, гнев матери был страшен. Не успели мы зайти домой, она ударила меня, а когда я упала, схватила меня за волосы и заорала с угрожающим видом: «Почему я должна выслушивать нагоняи от той девчонки? Ты ей пожаловалась, да?!»

Разумеется, я никому не рассказывала о том, что происходит дома. Родители обожали братика, и мне не хотелось кому-то говорить, что со мной – ребенком матери от предыдущей связи – обращались как будто я досадная помеха, а самое главное – я не хотела этого признавать. Сейчас-то я понимаю, что та учительница, видимо, заметила мою неухоженность и мягко указала на это, сказав о «неглаженной форме». Думаю, она хотела аккуратно сделать замечание родителям, погруженным в любовь к младшему ребенку. Однако все было не так просто.

Мать несколько раз ударила меня в прихожей, но на этом ее гнев не утих. На зимних каникулах она перестала меня кормить как следует. Раз в день, на ужин, мне выдава-

ли плошку белого риса, посыпанного приправой, да и его я должна была есть в одиночку, в туалете для гостей. Она сказала, что это наказание за позор, который я на нее навлекла. Я ела свой рис в тесном холодном помещении, где не ощущалось никакого тепла, до меня издали доносились запахи теплых мяса и рыбы и веселый смех семейства, и моя еда казалась совершенно безвкусной. Но я ничего не могла поделать с тем, что мне ужасно-ужасно хотелось есть, поэтому плакала и запихивала в себя рис. В тот год Рождества и Нового года не было только у меня. Ночью в Рождество, не выдержав голода, я открыла мусорное ведро – там были остатки цыпленка, суши, пирожных, которые не доел Масаки. Сахарный Санта-Клаус был вымазан в сливках, но я без колебаний схватила его и съела. Он размяк от взбитых сливок и, хотя был сладкий, мерзко пах.

* * *

– Мисима, чего задумалась?

От звука голоса Муранаки я очнулась.

– Ничего.

Просто невеселые, паршивые воспоминания.

Через некоторое время принесли наш заказ. Я представляла себе обжаренные в панировке кусочки курицы, поэтому удивилась, увидев настоящую тэмпуру в воздушном кляре. Пришлось признаться, что впервые ем такое, и Мурана-

ка посоветовал обмакивать кусочки в кислый померанцевый соус пондзу – мол, так вкуснее.

– Нaley сюда соус, а если любишь острое, можно еще добавить цитрусовую приправу юдзу с перцем. Да и просто с солью вкусно.

Послушавшись совета, я обмакнула тэмпуру в пондзу. Брызнул куриный жир, но, благодаря кисловатому соусу, мясо жирным не ощущалось. Я пробормотала: «Вкусно», и Муранака довольно засмеялся.

– У нас тут у каждого свой любимый ресторанчик, где подают тэмпуру из курицы. Хотя большинство, конечно, считает, что вкуснее готовить самим.

Здесь кляр было похож на тесто, в котором обжаривают фриттеры. Я люблю кляр тонкий, хрустящий, поэтому спросила у Муранаки, делают ли где такой, и он назвал мне несколько мест.

– Что еще можно порекомендовать... Ты девушка, так что, наверное, сладкое любишь. В одном месте продают пирожные со взбитыми сливками, это...

– Нет, такое не надо. Это я не ем.

После той рождественской ночи мой организм перестал воспринимать пирожные и взбитые сливки.

– Так ты что, из любителей остренького? Тогда из местных блюд самое лучшее «Рюкю», под sake очень хорошо.

В итоге я закончила обед, слушая рассказы Муранаки о местных ресторанах, а на крыльце решила распрощаться с

ним. Он собирался ехать за Кэнтон, но никак не заводил машину и, открыв окно, опять окликнул меня:

– Слушай, я хочу с тобой дружить. Ты не против?

У меня вырвался удивленный возглас, а он, потупившись, замямлил:

– Ну, хочу узнать тебя поближе...

Потом, снова подняв глаза, он выдал скороговоркой:

– Эх, не умею я такое говорить. В общем, хочу как-то сократить расстояние между нами. Ты мне очень интересна. Я не прошу тебя с бухты-барухты начать со мной встречаться, но вот как-то так... В общем, ты просто подумай об этом, без напряжения, ладно?

Под натиском его слов мне оставалось только стоять и смотреть. Его глаза тоже не отрывались от меня, и в них не было никаких колебаний. Я подумала, что он совершенно прямой и искренний человек, однако где-то в глубине другая я шептала: «А может, это и не так. Может, он это говорит просто потому, что его интересует необычная женщина из чужих мест. И вообще, тебе ведь нельзя принимать такие предложения, правда? Опять кому-нибудь будет плохо...»

– Ну, заходи иногда в гости. Можем мороженое вместе поесть.

Я решила, что могу позволить себе общение на таком уровне. Главное – четко показать разницу между любезностью и привязанностью. Муранака с явным облегчением выдохнул:

– Тогда в следующий раз притащу побольше!

С этими словами он уехал. Проводив его взглядом, я села на велосипед и решила поехать в объезд, чтобы обед лучше переварился.

Я стала объезжать ресторан и увидела, что на заднем дворе на стульчике сидит Котоми. Она глядела в небо и задумчиво курила, и во всем ее облике сквозила усталость. Я попыталась ускользнуть незамеченной, но она на меня и не смотрела и вообще ничего не видела.

Крутя педали, думала: интересно, что она за человек? Какая она мать этому мальчику? И что делать мне? Как правильно вести себя в этой ситуации?

* * *

Дни без нормальной еды закончились за день до начала нового семестра. Я исписала целую тетрадь словами «Я не буду причинять беспокойство чужим людям» и на этом была прощена. За едой рыдала от облегчения, и отчим с матерью сказали мне: «Если бы ты не обидела маму, нам бы не пришлось принимать такие жесткие меры. Маме было так же плохо, как и тебе. Так что больше ее не позорь». Они спокойными голосами увещевали меня и ласково гладили по голове. Но их глаза не улыбались. Поэтому я, несколько раз кивнув, повторила: «Ни за что не буду причинять беспокойство чужим людям». Впрочем, это были лишь написанные

на бумаге слова, а потому было непонятно, что конкретно я должна делать, а чего делать нельзя. Понимала я одно: в следующий раз, если такое случится, меня ждет более жестокое наказание. Я много думала о том, что тогда произошло, и поклялась, что буду тщательно следить за своим внешним видом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.